ГУТЕНМОРГ

Майя с визгом пролетела по льду, как пингвинёнок, и остановилась у края полыньи. Она неловко поднялась на ноги, опираясь на свою пластмассовую лопатку, и подошла совсем близко к воде. Стала откалывать лёд лопаткой. Льдинка с шапкой снега отломилась и медленно поплыла белым пароходом, гонимая течением реки. Поверх зелёного капюшона Майи был туго намотан шарф, и она ничего не слышала вокруг. У реки не было ни души. Она подняла голову и огляделась. Всюду лежал тяжёлый сырой снег, но кое-где уже показалась чёрная земля, особенно на вершине склона. Внизу из снега беспорядочно торчали ветки, очерчивая русло реки. Тут Майя увидела ниже по течению человека. Он тоже был весь чёрный и казался просто куском оттаявшей земли или обломком дерева, торчащим из снега. Майя помахала ему лопаткой. Человек помахал ей в ответ. Потом он сунул руки в накладные карманы телогрейки и побрёл в сторону посёлка. Тут Майю точно током прошибло: «Гутенморг, это же он и есть», — подумала она и побежала за ним.

Родители всегда брали Майю и её старшую сестру Катрин в свой загородный дом несколько раз за зиму. Особенно если папочка получал свой фокус-покус в конце года. Тогда и у мамочки случалось хорошее настроение. В дом приходил праздник. В новогоднюю ночь сестёр ждала целая гора подарков под ёлкой, под настоящей живой елью, раскинувшей свои пышные лапы в холле. Но открывать подарки до утра было нельзя. В этот год родители пригласили своих соседей с детьми. Пока взрослые шумели внизу, дети заполучили весь второй этаж. Командование взяла в свои руки самая старшая, Катрин. Сначала все дети бесились и играли в прятки. Только Майя не играла. Она всюду следовала за сестрой и помогала ей следить за порядком, чувствуя ответственность, как хозяйка дома. К тому же никого из взрослых на втором этаже не было. Только иногда няня Оля заглядывала к ним проверить: всё ли в порядке. Когда дети вымотались, родители разрешили Катрин разжечь застеклённый камин в спальне. Старшая сестра погасила свет в комнате, и дети сели подле огня. Пламя охватило сухие дрова и заворожило детей. Даже самые шумные ребята, малявки Ваня и Филя, притихли. И тогда Катрин рассказала о Гутенморге.

В тёмной дремучей чаще глубоко в лесу живет Гутенморг. Тело его покрыто длинной, жёсткой шерстью, как у волка, на безобразных руках сверкают острые когти, а дыхание такое вонючее, что птица падает замертво в десяти шагах. Но Гутенморг хитёр, он умеет принимать человеческий облик, и тогда пропадает даже запах изо рта. Летом, когда все звери радуются теплу, в лесу созревает земляника, а по канавам дикая малина, Гутенморг спит, забившись в свою тесную берлогу. В его чаще всегда темно и сыро, солнце не может пробиться сюда сквозь густые кроны деревьев. Вход в свою берлогу он затыкает ворохом мокрой прошлогодней листвы, чтобы никто не потревожил его сон. Так проходит время. Вслед за летом наступает осень, листья желтеют и опадают с деревьев, птицы улетают в теплые страны, белки запасают орехи на зиму, бобры чинят свои плотины, и все остальные звери готовятся к холодам. А Гутенморг всё спит. Но только стоит первой снежинке коснуться земли, и в тот самый миг Гутенморг распахивает свои жёлтые голодные глаза и просыпается. Он переворачивается с боку на бок, разгребает когтями вход в берлогу и жадно вдыхает воздух, чуя приближение зимы. А когда ледяной ветер сковывает лёд на реке и в лесу ложится густой снег, он выбирается из своей берлоги. Так и бродит он всю зиму в глубине леса. Только иногда по утрам он оборачивается человеком и выходит на открытые места поближе к селениям, одиноко ходит вдоль кромки леса, приглядывается, принюхивается.

Повстречать Гутенморга — большая удача, ведь он умеет исполнять любые желания. Но редко кому удаётся признать лесного монстра в обычном прохожем. И только дети с лёгкостью узнают его. Желания Гутенморг исполняет не просто так, ведь он из тех волшебных существ, что обожают загадки. Ответишь правильно, выполнит одно твоё желание, а ошибёшься,

и он утащит тебя в свою берлогу. Тут уж поминай как звали. Загадки у Гутенморга сложные, не всякий справится. Ходят слухи, что в прошлом году один мальчик из соседней деревни повстречал Гутенморга, и с тех пор никто мальчика того не видел. Видно, загадка оказалась мальчику не по зубам. Потом жители деревни прочесали весь лес вдоль и поперёк в поисках берлоги Гутенморга, облазили каждый закуток в округе, но так и не нашли никаких следов.

Дети слушали и слушали рассказ Катрин о лесном чудище, а дрова медленно прогорали в камине, отбрасывая красные блики на их испуганные лица.

В начале весны сестёр снова привезли в загородный дом. И вот теперь Майя бросилась со всех ног за человеком, возникшим точно из ниоткуда. Он хоть и шёл медленно, неловко загребая ногами снег, но ей хватило труда, чтобы догнать его. Наконец она дёрнула Гутенморга за край телогрейки. Он остановился и, наклонившись, посмотрел на Майю своими жёлтыми глазами, пронизанными сетью красных прожилок.

— Здравствуй, Майя, — сказал он. — А я за тобой следил. Всё думал: заметишь меня или нет, — голос у человека был трескучий, осипший, так пищат сырые поленья, брошенные в костер. — Но ты очень внимательная девочка. Что ты делала на реке?

— Вы меня знаете? — Майя задрала голову и ослабила шарф на шее, чтобы лучше слышать.

— Я всё смотрел и думал: сломается под тобой лёд или выдержит. Там край совсем тонкий из-за течения, — он махнул туда, откуда прибежала Майя. — Но ты, похоже, совсем лёгкая. Конечно, я тебя знаю, и сестру твою Карину знаю. Мы с ней лучшие друзья. Разве она не рассказывала обо мне?

— Мою сестру зовут Катрин, — Майя отступила на несколько шагов. — И она ничего не говорила.

— Катрин, я так и сказал, — человек громко шмыгнул носом. С реки дул ветер, а он стоял без шапки. Распухшие мочки его ушей совсем посинели. — Не может быть, чтобы ты про меня ничего не слышала. Подумай.

— Это правда, что вы умеете исполнять желания? — Майя опустила лицо и уставилась себе под ноги. Она знала, что неприлично навязываться, но ей не терпелось поскорее чего-нибудь загадать.

— Нет, Майя, я не волшебник. Зато, если я посажу тебя в мешок и спрячу где-нибудь в лесу, твои родители сделают всё, что я попрошу. Как считаешь?

Майя засмеялась:

— Конечно, вы не волшебник. Вы — Гутенморг, лесное чудище, я сразу вас узнала. А родители даже не заметят, что я пропала. Только няня Оля разволнуется, потому что ей за меня влетит. Ох, и как она разволнуется-то, — Майя представила лицо няни. — Ей же тогда зарплату не заплатят, и уволят, и больше потом никуда не возьмут на работу. И она тогда умрёт от голода.

— Ты очень умная девочка. И за то, что ты узнала меня, я кое-что тебе покажу, — Человек взял Майю за руку.

— А загадку Вы загадывать будете? — вдруг спросила Майя. Человек утвердительно кивнул, и он пошли по дорожке. Майя волочила за собой лопатку и оставляла в снегу тонкую полосу. Она делала вид, что играется, но на самом деле это было для того, чтобы отыскать обратный путь домой.

Коттеджный посёлок стоял на возвышении. Внизу протекала река, позади посёлка начинался лес. Но человек повёл девочку в другую сторону. Они спустились в небольшой овраг, по дну которого протекал ручей, и побрели прямо по замёрзшему руслу. Майе показалось, что идут они уже долго. Она крутила головой по сторонам. Места были незнакомые, здесь с няней Олей они ещё не гуляли. Вдруг человек подхватил Майю на руки поперек туловища и закрутился вместе с ней на месте. Майя что есть силы закричала. А он громко расхохотался, заглушив её крик, и ещё быстрее закрутился. Потом выскочил из оврага прямо по сугробам наверх и замер. Осторожно поставил Майю на землю перед собой и положил ей руки на плечи. Она сразу замолчала, сглотнув слёзы.

— Смотри, — сказал ей человек.

Перед ними лежала груда бурого кирпича под толщей снега. Отовсюду торчали засохшие кусты крапивы, скрывая часть кирпичей, но всё равно из глубины проступали очертания дымохода. Человек и Майя стояли на пороге дома. Но не было уже ни крыши, ни стен, только гнилые доски и битый кирпич под ногами. Снежный выступ окружал развалины, образуя квадрат.

— Вот мы и дома, — произнёс человек и вздохнул. — Я тогда уехал в город учиться и жил в общежитии, оставил отца одного. Здесь целая деревня стояла тогда, от ручья и до самой грунтовки. Хорошие места. И вот однажды пришли люди и сказали, что будут строить вместо деревни посёлок для богатых. Непростые это были люди, с

такими особо не поспоришь. Все соседи испугались, отдали дома за бесценок и разъехались кто куда. А отец упёрся. Упрямый он был, понимаешь. Избы в деревне все разобрали, раскатали по брёвнышку, пригнали строительную технику, а он всё ни в какую. Ему уже и деньги нормальные стали предлагать. А он только смеётся. Потом в одну из ночей дом наш сгорел вместе с отцом. Ну, следователь приходил, конечно, да что толку. И самое обидное, коттеджи эти чёртовы решили потом ближе к реке строить. Теперь в том посёлке живешь ты. Так что, Майя, вот и загадка к тебе подоспела, — наклонился он к девочке. — Как по-твоему, кто дом поджог?

— Дядя, я домой хочу. Можно мы обратно пойдём? — спросила Майя. Человек больше не держал её, она сама теперь держалась за край его телогрейки. И они пошли обратно. Человек больше ничего не рассказывал. Когда они вошли в посёлок, человек заметил в конце улицы машину МЧС и толпу народа.

— Да может и правда он просто пьяный был, — спросил сам себя человек, глядя, как суетятся люди в конце улицы. — Знаешь, Майя, ты иди дальше сама, — предложил он девочке. — А я отсюда посмотрю, как ты идёшь.

И она пошла домой.

ДЯДЯ СЕРЁЖА

Вадим Трофимов привёз в Самару фуру с рыбой, сдал груз и зашёл в гости к старшей сестре. Сестру Маринку он не видел два года, хотя в Самару приезжал часто. Всё как-то не удавалось, то одно, то другое. Сестра жила с мужем и двумя детьми в трёхкомнатной квартире, в хрущёвке, в старом спальном районе. Снимали.

Вадим нашёл дом по памяти, он тогда приезжал сюда, помогал с переездом. Дверь открыл Стёпа, Маринкин муж. Вадим вошёл в прихожую, и мужчины поздоровались. Вадим сразу обратил внимание, что Стёпа одет празднично: голубая полосатая рубашка, галстук, стрелочки на брюках. Вадим заглянул в гостиную. Так и есть, на белой скатерти стоял хрустальный салатник и графин с водкой.

Вадим нехотя расстегнул куртку, стащил её и повесил на крючок, оставшись в засаленном свитере. Он ещё подумал, что под свитером у него байковая рубашка с жирными, масляными пятнами на рукавах. Вадим аккуратно присел на тумбочку и стянул правый ботинок.

— А сеструха где? — спросил он у Стёпы и стянул левый ботинок.

— Марафет наводит, ты же её знаешь, — Стёпа выдал гостю тапки. Мужчины немного постояли в прихожей, не зная, о чем ещё поговорить. — Пойдём что-ли в гостиную, — предложил Стёпа. Но навстречу им появилась Марина.

— За стол ты в таком виде не сядешь, — вместо приветствия прикрикнула она на брата и затолкала его в ванную. Там она стащила с него свитер и рубашку. Закинула вещи в стиральную машинку, а брату достала чистое полотенце.

— Стёп, дай шурину какую-нибудь свою рубашку! — крикнула она мужу и оставила брата умываться. Вадим вышел из ванной посвежевший, и только Стёпина рубашка была ему в облипку, пуговицы опасно натянулись на животе.

— Так и не откормила ты Степана, — усмехнулся брат.

Мужики сели за стол и разлили, а Маринка привела сыновей поздороваться с дядей. Дети нехотя подошли к Вадиму, а после того, как Вадим поинтересовался у них школьными успехами, убежали обратно в комнату играть в приставку.

— А какие раньше застолья были, сколько родни съезжалось, — Марина пригубила водки и поморщилась, мелко дёрнув головой. — Да ты маленький был, не помнишь, — махнула она на брата. У неё за спиной протянулась чехословацкая стенка, доставшаяся вместе со съёмным жильём. Сестра как ни пыталась, не смогла вдохнуть в неё ни новую жизнь, ни хоть крупицу уюта. Крышка секретера отвалилась и стояла рядом, многие дверцы покосились, нескольких не было вовсе. Со встроенного трюмо свисала вязанная салфетка.

— Как не помнить, ещё на каждый праздник дядя Коля гитару привозил, — ответил Вадим. — Они ещё с папой частушки пели, как юмористы из телевизора.

— Это ты по рассказам только помнишь, — опять отмахнулась от его слов Маринка. — А вот кстати, хотела тебе показать, — сестра дотянулась до ящика и вытащила толстую картонную папку. — Забрала, ещё когда из Вершин уезжали.

Вадим сразу узнал папку по двум открыткам наклеенным сверху, на одной ледокол пробивал себе путь во льдах, а на второй клоун жонглировал кеглями. Внутри папки были фотографии. Как много раз в детстве брат с сестрой часами изучали эти старые хрупкие снимки с заломанными уголками, историю своей семьи.

После обеда Марина с мужем убрали со стола. Стёпа ушёл к детям, а Марина

положила папку на скатерть и развязала потёртый узелок. Вадим сел с ней рядом. На столе оказались заботливо перевязанные пачки с фотографиями. Марина раскрыла первую пачку.

На плотном картоне с вензелем «Фотоателье Полетаева» был отпечатан снимок. Со снимка испуганно и недовольно глядел мужчина в косоворотке. Он был выбрит, аккуратно и просто острижен, и сидел в прямой, деревянной позе.

— Василий Трофимов, — сказала сестра. — С него наша фамилия пошла. Смотри, это ещё до революции снято. У него семь человек детей было, — сестра отыскала другой снимок и показала брату. — Вот, выжили только трое: Кондратий, Константин и Светлана, по мужу Филиппова. Константин, наш прадед, в детстве чуть не погиб, упал в молотилку. Ногу изувечил и до конца жизни прихрамывал.

И сестра стала перебирать фотографии. Она знала имена всех предков, и кто кому приходился братом или сватом, кто на ком женился, и что с кем в жизни приключилось. Вадим смутно вспоминал эти истории из детства, бабушка по папе постоянно их рассказывала. Но он не успевал за сестрой. Пока он рассматривал одну фотографию, сестра успевала рассказать ещё про пять. Вот Фёдор Константиныч, их дед, после ранения вернулся с фронта в свой колхоз. А это сестра его троюродная, с тёткой Глашей, той которая со стороны Кузнецовых, она по партийной линии пошла, в люди выбилась, в город переехала.

Вадим с трудом следил за историей, разворачивающейся перед ним на столе. Незнакомые имена и фамилии смешались в один людской поток. И только выскакивающая иногда фамилия «Трофимов», его фамилия, была тем звеном, по которому Вадим мог ощутить свою причастность этому потоку.

Постепенно на снимках стали попадаться знакомые лица. Вот мама идёт в первый класс с большим букетом гладиолусов. Рядом с ней совсем молодая бабушка. Потом студенческие фотографии, молодой дядя Коля, ещё без усов, но уже с гитарой. Это он приехал проведать маму в стройотряде. Кое-где на снимках появляется отец, в основном на общих планах.

Вот весёлая ватага студентов, лыжи воткнуты в снег. Мама, конечно, в самом центре кадра. А отец... И ведь знаешь, что он есть на этом снимке, но только где? Так вот же он, в последнем ряду голова торчит. Снимок от времени затёрся, лица его уже не разглядеть, но это должен быть он. Дальше уже на всех снимках он стоит рядом с мамой.

Сестра замерла в нерешительности перед пачкой фотографий с родительской свадьбы. Помедлив, она всё же начала перебирать их. Что будет дальше, Вадим уже знал. После свадебных пойдут их детские фотографии, сначала появится сестра, потом и он. Фотографии постепенно станут цветными, но отца на них уже не будет, потому что он уйдёт в другую семью, когда Вадиму стукнет семь.

Марина больше не комментировала фотографии, а просто передавала их брату. Впрочем, иногда она говорила, где и когда сделан снимок.

— О, а это я помню, — очнулся Вадим. В руки ему попал снимок из детства, ещё чёрно-белый. Маленький Вадим с бамбуковой удочкой держит на крючке большого белого карпа, а рядом с ним мужчина, похожий чем-то на отца, но не отец. — Помнишь дядю Серёжу? — спросил Вадим и вернул сестре фото. Марина недоверчиво посмотрела на мальчика с рыбой и дядю Серёжу, подняла глаза на брата.

— Нас возили к ним с тётей Светой на дачу. Почти всё лето у них жили. Неужели ты не помнишь? — удивился Вадим. — Я как раз в тот год пошёл в школу, как в город вернулись. Мы с дядей Серёжей почти каждый день ходили рыбачить на пруды, а ещё мы с ним вместе смастерили настоящий арбалет со специальной зарядной рукояткой. А тётю Свету разве не помнишь? Она нас за грибами повела тогда. И мы почти что заблудились, насилу вышли. Белых набрали зато, каждый по корзине, еле допёрли. А дядя Серёжа потом отругал тётю Свету вечером.

— Какой, к лешему, дядя Серёжа?! – резко оборвала брата Марина. — Ты совсем офонарел?! Что несёшь-то? У нас сроду никаких Сергеев в семье не было!

— Да ладно, ты не помнишь что ли?

— Какой ты, Вадик, придурок всё-таки. Думали с мамой, что из тебе дельное что-то получится, а ты как был имбецилом, имбецилом и остался. Несёшь дичь какую-то. Да это вообще не ты на снимке, — сестра перевернула фото в надежде обнаружить на обратной стороне подтверждение своих слов в виде какой-нибудь памятной надписи. Но снимок не был подписан. — Так, всё понятно! — сестра разорвала снимок и бросила обрывки на стол перед Вадимом. Подбородок её задрожал, и она плотно сжала губы.

Вадим помусолил в руках обрывки

снимка, встал и пошёл в прихожую.

— Ты дебил! Слышишь, придумал себе сказочку! Мразь шофёрская! — кричала сестра выбежав за ним. — И всё ему не так! Не угодишь! Рожу бы хоть побрил, прежде чем приходить!

Вадим как мог влез в ботинки, схватил куртку, толкнул дверь и побежал вниз по лестнице. От так и ушёл в рубашке Стёпы, оставив свои вещи преть в стиральной машинке. На шум из комнаты высунулся Стёпа.

— Вы чего? — спросил он.

— Да ты-то не лезь, — отмахнулась она от мужа. Вернулась в гостиную, взяла телефон и позвонила. Гудки шли долго. Наконец в динамике раздался голос.

— Мам, это я, привет, — ответила Марина.

— А, Руся. Ты что-то хотела? — голос мамы звучал как из колодца, с тяжёлым эхом.

— Да спросить хотела, — Марина увидела, как Стёпа ушёл в ванную, и вспомнила про вещи брата.

— О чём спросить-то? Алло, — после долго молчания отозвалась мама.

— Да нет, Мам, так, ни о чём, — Марина точно проснулась. — Как у тебя дела вообще?

— Хорошо, хорошо. Дочь вот позвонила. А то она ж по полгода не звонит. Я, может, тут уже сдохла давно, валяюсь на полу, встать не могу. Вон в ванной чуть не поскользнулась намедни, думала насмерть разобьюсь. А тебе спасибо, конечно…

— Нет! — перебила Марина свою маму и сбросила звонок. — На сегодня с меня хватит.

Она наклонилась над столом, чтобы собрать фотографии, и тут к ней всё вернулось. Она схватилась за стул, чтобы не упасть. От обиды у неё свело живот и задрожали ноги. И никакой он им не дядя, этот дядя Серёжа. Он сослуживец и друг отца. Их с братом скинули на всё лето этим чужим людям, как ненужный балласт, пока родители занимались разводом и делили барахло. Ох, как же они всегда переживали за это своё барахло.

АПРЕЛЬ

Позвонила Ксюха со своим обычным: «Как дела». Ну а как могут быть дела, второй час ночи. Говорю ей, что уже сплю. А она типа такая: «Ну ладно, чё, спи дальше. Не буду тебе мешать». Молчу в ответ и слышу, она трубку не вешает. Тоже молчит. А потом такая: «Я вообще-то тут одна сижу, сестра к друзьям свалила. Так что, если хочешь, приезжай». Чтобы вы понимали, Ксюха живёт со старшей сестрой в двушке на Сходне. Двушка двушкой, но если Ксюхина сестра дома, там уже не зависнешь. Вот и думаю, метро уже закрыто, а на такси может не хватить денег.

— Слушай, Ксюха, — говорю, — мне завтра с утра на работу надо. Давай в другой раз, — а сам в джинсы лезу деньги проверить.

— Знаешь что, — шипит она в трубку, — мне вообще всё равно.

— Ладно, ладно, не ворчи, через полчаса буду. Не усни там.

Вот так и поговорили, специально скинул вызов, чтобы она ещё чего не выдумала. Быстро оделся, накинул бомбер, но только в прихожей завозился с ботинками. У меня со шнурками с самого детства как-то не заладилось. И тут как раз из кухни высунулся отчим. Он был по классике — в трусах и майке.

— Ты куда намылился?

— В гости пригласили, — и чтобы увести разговор в другую сторону, сам спросил. — Дядь Борь, а вы-то чего не спите?

— Так, — отмахнулся он. — У тебя же завтра смена, куда ты на ночь глядя?

— Да не, не надо мне никуда, отгул взял.

— Подожди тогда, не убегай, — дядя Боря тихо прошмыгнул в спальню и скоро вернулся. — Держи, — он протянул мне тысячу. Вот как он узнал? Я поблагодарил и сунул купюру в карман на рукаве.

— Ну всё, я потопал, — говорю.

— Давай там осторожней, — отчим закрыл за мной дверь.

Отчим — мужик что надо, и не потому что иногда подкидывает денег. Вообще, дядя Боря по факту мне даже не отчим, они с мамой не расписаны. Но, кажется, мама с ним счастлива, хотя чёрт их разберёт.

Пока спускался в лифте, проверил свой нож. У меня широкий монтажный с жёлтой пластмассовой ручкой и выдвигающимся лезвием. Это всё потому что работаю в строительном гипермаркете и целыми днями отгружаю со склада тюки с каменной ватой или собираю штакетник в пачки по десять штук, в общем, всякое такое. А без ножа в этом деле никуда. Меня устроил туда отчим, он там вроде начальника. Так что с дядей Борей мне прям реально повезло. Правда, его иногда замыкает, сидит по ночам на кухне вот как сегодня и думает о чём-то. Но это у него просто баг такой.

Вообще, работа в гипермаркете порой

подбешивает, так что это так, только чтобы перебиться. Опять же деньги какие-то. Летом буду в институт менеджмента поступать. Мама даже засунула меня на подготовительные курсы. Так что всё серьёзно. Кстати, Ксюха тоже на эти курсы ходит, а то где бы мне ещё с такой девчонкой познакомиться?

По ночам на площади возле метро всегда таксисты дежурят, так что я двинулся туда. Снега почти не было, только чёрные островки грязи ещё держались по обочинам и на клумбах. Электронные часы над павильоном метро показывали без четверти два, а под часами таксисты о чём-то громко спорили. Меня они не заметили. Потом один всё-таки вышел ко мне и спросил:

— Чего надо?

— До Сходни за четыреста.

— За четыреста пешком дойдешь.

Я так понял, цена его не устроила. Но он не вернулся к спорщикам, а начал торговаться, запросил в два раза больше. Тут уже другой таксист подошёл к нам и сказал, что отвезёт за пятьсот. Естественно, победило лучшее предложение. Когда мы уже шли со вторым таксистом к машине, первый крикнул нам:

— У него резина лысая! Гроб на колёсах!

— Не обращайте внимания, — сказал мой таксист и назвал своего коллегу как-то не по-русски. Но вы бы и сами догадались, как это переводится. Мы сели и поехали. По дороге таксист всё время болтал.

— Понимаете, — он обращался ко мне на «вы», — муж у моей дочери, зять, решил бизнес делать. А сам вот такой, — таксист показал мизинец. — Худой как глист. Квартиру дай, дачу дай, на море два раза в год дай. Сам у моего брата помидорами торгует. И тут он мне говорит: «Папа, — а какой я ему папа, — дайте мне, — говорит, — начальный капитал. Я с Артурчиком буду бизнес делать». А я говорю: «Э, ты себя в зеркало видел? Какой ты собрался бизнес делать?» А он говорит: «Мы с Артурчиком будем в новостройках батареи отопления спиливать, а потом через строительные бригады их обратно продавать». «Всё, — отвечаю, — наконец у меня в доме появился приличный человек».

Таксист оказался весёлым, на вид ему было лет шестьдесят. Когда он смеялся, его огромное брюхо тряслось, упираясь в руль. Живот был настолько большим, что он мог бы при желании вести автомобиль без рук.

— А куда вы едите, разрешите поинтересоваться? — он упорно продолжал обращаться ко мне на «вы». Прям заявка на звание самого воспитанного таксиста в городе.

— В гости пригласили, — отвечаю.

— О, понимаю, да, — таксист подмигнул мне, его лицо дёрнулось, и он одарил меня слащавой улыбочкой. Вот это мне уже не понравилось, даже решил, что сейчас он выдаст одну из тех шофёрских историй, я уже такие слышал. Там обычно таксист подбирает ночью на трассе одинокую девушку, а потом оказывается, что ей нечем заплатить. А дальше они всё в подробностях рассказывают, ну вы поняли. К счастью, в этот раз времени на такую историю не хватило, потому что мы уже приехали. Он остановился у подъезда и включил в салоне тусклый свет.

— У вас с тысячи будет? — спросил я и понял, что забыл сразу предупредить, что у меня нет без сдачи. Всё, думаю, сейчас он начнёт делать мне мозги. А мелкими деньгами у меня было всего четыреста, плюс проездной на метро.

— Конечно, дорогой, — таксист заулыбался, и моя тысяча исчезла в его руках. — Сейчас найдём.

Он открыл барсетку, выудил оттуда пятисотенную и сунул мне. Я убрал деньги, попрощался и вылез. На улице шёл редкий снег. Таксист ещё пытался вдогонку пожелать мне хорошего вечера, но я забежал в подъезд.

Перед лифтом я достал купюру и рассмотрел её на свету. Она была фальшивой. Это было ясно и на ощупь. Сверху шла надпись "билет банка приколов". Я выругался. Только не подумайте, будто это со злобы или от обиды. Мне на самом деле было всё равно. Знаете, как бывает, отматывая назад понимаешь, что по-другому просто быть не могло. То что таксист меня кинет, я понял уже когда садился к нему в машину. Так что я убрал фальшивку к остальным деньгам и поднялся на Ксюхин этаж.

Ксюха-Ксюха, меньше всего хочется называть её так. Я бы звал её Ксения, а может, как-то совсем коротко, например, Ксю. Но я упрямо говорю ей «Ксюха», и её это страшно бесит. Я вообще строю перед ней «пацана с района». Хотя в моём случае можно и не стараться. С моей бритой башкой, берцами, бомбером и шапкой на затылке во мне вряд ли можно предположить будущего студента института.

— Здарова, Ксюха! — как можно развязнее сказал я, когда она открыла дверь.

— О, думала, ты уже не придёшь, — Ксюха впустила меня и тут же убежала на

кухню. В прихожей висело зеркало. Я был какой-то опухший, точно меня осы покусали. Это мы вчера с Витьком напились.

— Чего застыл? Раздевайся давай. Тапки сам знаешь где, — крикнула Ксюха.

— Да я тут с каким-то гоблином сцепился, пока до тебя ехал. Пришлось ему вмазать. А он здоровый, зараза, тоже мне навешал, чуть челюсть не сломал, — я потрогал себя за подбородок.

— Дай посмотрю, — Ксюха пришла с кухни и внимательно осмотрела мою челюсть, даже потрогала. А потом взяла и чмокнула меня в губы. — Синяка нет, жить будешь. Пойдем, я тебя накормлю.

У Ксюхи была такая особенность, она постоянно меня кормила. Да и не только меня, вообще всех. Даже на курсах у неё с собой всегда были домашние пирожки или какие-нибудь завитки со сладкой начинкой, и она всех угощала. Так она проявляла заботу о мире. А у самой фигура как у фотомодели, и ростом выше меня. Я вспомнил, как таксист показывал своего худого зятя, оттопырив грязный мизинец с длинным мутным ногтем. Едет сейчас где-нибудь с моей тыщей, гадина.

Есть не хотелось, но однажды я уже отказался от Ксюхиной стряпни, ни чем хорошим это не закончилось. Знал бы что она позвонит, не ужинал бы дома. А теперь вилку в руки и вперёд. Пока я добирался до неё, она успела пожарить две говяжьих котлеты, сварить ведро макарон и ещё порубить овощной салат с майонезом. А я напоминаю, на часах полтретьего ночи. Она села напротив и стала смотреть, как я изображаю аппетит. Потом спросила, как у меня дела на работе. Пришлось с полным ртом что-нибудь придумывать. Потом она рассказала про ссору с сестрой. Тоже мне новость, они ругаются каждый день. Сестра у нее психованная. В этот раз они доскандалили до того, что она среди ночи свалила к каким-то друзьям. Когда я затолкал в себя последний кусок котлеты и собрал помидорно-майонезную жижу со дна салатника с помощью куска хлеба, мне было позволено встать из-за стола. Мы переместились в её комнату, оставив грязную посуду на столе. Она разложила диван и включила ночник.

— Уже поздно, а тебе завтра на работу, — сказала она и разделась, оставшись в коротких шортиках и майке. Но это только на мгновение, потому что она тут же нырнула под одеяло. — Ой, холодное, — засмеялась она, а потом сразу и без предупреждения: — Иди ко мне.

Эх ты, разожравшийся кабан. От пережитого ужина слегка подташнивало, последние силы ушли на то, чтобы стянуть джинсы и лечь рядом. Она раскрыла свой ноут и поставила его ко мне на живот, потому что хотела показать какое-то смешное видео. Я смотрел не очень внимательно, кровь отлила от головы и устремилась к месту основной битвы в районе желудка. Ксюха нашла ещё несколько дурацких видео, похожих одно на другое. Наконец она выключила свет, убрала ноут и повернулась ко мне спиной. Я осторожно обнял её.

— Снег идёт, — тихо сказала она.

Я скользнул рукой чуть выше и коснулся ее груди.

— Не надо, — попросила она, и я вернул руку на место. После паузы она сказала: — Тебе надо выспаться, скоро уже светать начнёт.

Я закрыл глаза и подумал, что, может, оно и к лучшему, с полным желудком мне и вздохнуть больно, не то что... В коридоре щёлкнул замок.

— Сестра пришла, — прошептала Ксюха и сняла мою руку с талии. Под дверью загорелась полоска света. — Чёрт, забыла посуду помыть, — буркнула она. Тут дверь в комнату распахнулась, и Ксюхина психованная сестра выдала без предисловий:

— Срач убери за собой! Слышь чё?

— Ща! — огрызнулась Ксюха и вылезла из-под одеяла. Я остался один. На кухне полилась вода, сёстры начали тихо переругиваться. Вообще, у нас с Ксюхой один раз уже было, когда я впервые попал к ней в гости. Но потом каждый раз, когда до этого доходило, нам что-то мешало. Или ей не хотелось. Или то и другое сразу, как сегодня. Но я всё равно решил дождаться её и не засыпать. Проще сказать, чем сделать, верно?

Вот зачем я соврал, что у меня смена? Теперь уже и не объяснить, что это у меня такой юмор дебильный. Ещё решит, что я хочу прогулять из-за неё работу. Поэтому, когда утром меня растолкали, я покорно встал и оделся. Ксюха встала ещё раньше, если вообще ложилась. Мои тапки куда-то пропали, под диваном нет, за шторой нет. Босиком дошлёпал до кухни, чтобы выпить воды. Там в нише между холодильником и столом сидела её психованная сестра с кофе. По ней тоже нельзя было сказать, что она ложилась.

— Приветики, — произнес я так, что её всю перекосило.

— Стакан помыть не забудь, — сказала она, когда я налил себе воды из чайника.

Оставаться дольше не было смысла. Ещё Ксюха всучила мне пластиковый контейнер с обедом. А я только попросил

какой-нибудь пакет, чтобы нести было удобней. С пакетом под мышкой я побрел к метро.

Доехав до своего района, я позвонил Витьку, и мы договорились встретиться на хоккейной коробке. Сколько себя помню, коробка стояла на своём месте, ни разу её никто не заливал. Она сама по себе иногда покрывалась коркой льда, если после оттепели ударяли морозы. Кто-то даже пытался там кататься на коньках. Но сейчас внутри коробки стояла вода, большая грязная лужа. Я уселся на скамейке для зрителей под покосившимся навесом и стал ждать Витька. В руках я крутил контейнер с едой. От того что ночь выдалась короткая, я был какой-то охреневший. К счастью, Витёк принёс пиво. Мы всегда пили на коробке, потому что это место не просматривалось из соседних домов, а люди почти не ходили мимо. Как итог: нас ни разу не забирали отсюда за распитие. Я рассказал Витьку про ночного таксиста.

— Косарь?! Лучше бы мне отдал. Ну как так? — история с фальшивкой сильно задела Витька. Я перевёл разговор на вчерашний футбольный матч, но он то и дело возвращался к моей тысяче, озадаченно кивал головой, воздевал руки к небесам и восклицал: "Ну как так?" Пиво быстро кончилось, и мы пошли в магазин, потому что у меня всё ещё оставались какие-то свои деньги. И вот, когда мы спустились в наш подвальный магазинчик, в очереди на кассу я увидел своего таксиста. Я дёрнул Витька и знаком показал, чтобы мы вышли на улицу, а там уже всё ему объяснил. Это было невероятно. Дальнейший план родился сам собой.

Я показал Витьку нужную машину, припаркованную возле магазина, а сам спрятался за углом дома. Когда таксист вышел, я дал Витьку знак, и он стал голосовать прямо перед его тачкой. Естественно, жирдяй клюнул. Они быстро сторговались и сели в машину. Витёк уселся сзади. Мы договорились, что он попросит водителя подождать ещё одного человека. Поэтому я спокойно пошёл к ним и влез на переднее сиденье.

— Всё, поехали, — Витёк хлопнул водителя по плечу. Таксист завёл двигатель и вырулил на дорогу. Он, похоже, бомбил всю ночь. «Ничего, скоро отдохнёшь», — подумал я. В этот раз он вёл машину молча, может устал, а может и меня узнал. Я всё крутил в руках контейнер с обедом. Таксист то и дело поглядывал на него, точно ждал от контейнера какой-то подлянки. А может, он просто хотел сожрать мой обед.

Поскольку платить мы не собирались, Витёк зарядил на полную, послал таксиста в какую-то глушь за МКАДом. Навигатора в машине не было, так что когда мы съехали с окружной, Витёк стал сам показывать дорогу. Мы ехали мимо каких-то складов, миновали гаражный кооператив. Витёк уверенно подсказывал, где сворачивать. Я посмотрел на нашего таксиста, тонкая водолазка на нём потемнела от пота. С него текло, точно мы в сауне. Машина свернула в редкий лесок. Дорога с каждым метром становилась всё хуже. В лесу ещё лежал снег. Я оглянулся назад, большие складские ангары уже пропали за деревьями. Тут машина дёрнулась, и я влетел в лобовое стекло. Это таксист дал по тормозам, хорошо что на раскисшей дороге скорость была небольшой. Таксист сунул руку под сиденье, но я оказался быстрее. В руках у него что-то блеснуло, но я одним коротким движением выдвинул лезвие и черканул его. Он выронил блестящий предмет и хлынула кровь. Я попал по тыльной стороне ладони, точно по венам, пропорол на всю глубину. Витёк сзади тоже не тормозил. Он одним рывком выдернул свой ремень, накинул его на шею таксиста через подголовник и что есть силы уперся коленями в спинку кресла. Между ног у таксиста торчало то, что он доставал из-под сиденья, короткая металлическая бита. Я убрал нож и выдернул биту.

— Ты что — рэпер? — спросил я и со всей силы зарядил ему в пах его же битой, но, кажется, не попал. Он задёргался, пытаясь выскользнуть из ремня на шее, но Витёк надёжно зафиксировал его. Хлестала кровь. Я бил его бейсбольной битой по ногам и животу, не знаю сколько раз. Огромный живот защищал его промежность, и меня это бесило. Он хрипел и целой рукой пытался защищаться. Но ремень на шее его быстро вымотал. В машине было не развернуться, я нагнулся и открыл дверь с водительской стороны.

— Пусти его, — сказал я Витьку. Витёк выпустил один конец ремня, и таксист выпал из машины головой вниз прямо в снежную жижу. Я вылез с другой стороны и обошёл машину, я собирался обработать его берцами. Вот сколько нужно секунд, чтобы обойти машину? Вот и представьте теперь моё удивление, когда таксиста возле машины не оказалось. Вместо него перед машиной зияла окровавленная вмятина в снегу, целый снежный кратер, в который угодил мясной метеорит. А таксист пропал. Выскочил из машины Витёк. С него сваливались штаны, а он всё не мог вдеть сзади ремень и топтался в снегу как дебил. Да уж, выдернуть ремень из штанов гораздо проще, чем засунуть его обратно.

— Он в лес побежал, — сказал Витёк, хотя и так было ясно. По сырому нетронутому снегу между деревьев виднелись следы. Я двинулся в лес. Снег оказался глубоким. Я пролезал быстро и всё

смотрел вперёд. Лес просматривался далеко, но таксист, похоже, убежал ещё дальше. Зато через равные промежутки рядом с ямками от его шагов яркой меткой вспыхивали лужицы ледяной крови. Таксист всё время бежал по прямой, но потом, видимо, схватился за ствол дерева и повалился в снег. После этого следы повернули налево. Не знаю откуда у него взялось столько сил, но даже я выдохся, пробираясь через сугробы. Когда я сам споткнулся и упал, стало ясно, что надо поворачивать обратно.

— Догнал? — спросил Витёк, когда я вернулся. Он сидел на водительском месте и слушал радио. Я только махнул рукой. Мне было холодно, я вымок, в ботинках хлюпал растаявший снег. Пока я шлялся по лесу, Витёк успел обчистить машину. Он честно предложил мне половину ночной выручки таксиста, но я взял только свои пятьсот рублей. Никто из нас не умел водить, и Витёк предложил сжечь машину. Он даже нашёл в багажнике для этих целей банку с растворителем и кусок газеты. Растворитель тут же был вылит на водительское место. Хорошо, что я успел вспомнить про контейнер, который остался в салоне. Ксюха бы меня убила. Наконец Витёк скрутил из газеты жгут, поджог его и положил на сиденье. Газета быстро вспыхнула и прогорела, по салону стали летать серые хлопья, но кресло не загорелось. Тогда Витёк поднес горящую зажигалку к самой обивке.

— Может, оно огнеупорное? — спросил я.

— Поучи ещё, — огрызнулся Витёк. Мы догадались распороть обивку на кресле. Плеснули туда остатки растворителя и подожгли. Теперь всё загорелось как надо.

Потом мы долго шли обратно, мимо гаражей, мимо складов. Я думал, что сдохну от холода, так меня пробрало. Но мы нашли остановку, откуда нас забрал автобус. Хорошо, что там работала печка. Я сидел и дрожал, засунув мокрые ноги прямо под решётку, из которой шёл тёплый воздух. И тут позвонила Ксюха.

— Привет, как дела? Ты ещё не обедал? — спросила она.

— Нет, но сейчас уже пойду.

— Тогда приятного аппетита, не буду отвлекать. Я тебе ещё позвоню потом, ладно?

— Хорошо.

Она повесила трубку.

— Что, Ксюха достаёт? — поинтересовался Витёк. Я мотнул головой.

— Жрать хочешь? — спросил я.

— Хочу.

— Тогда подключайся.

Я раскрыл контейнер, и мы стали есть прямо руками. В одной руке я держал котлету, а другой загребал холодные макароны. Витёк делал так же.

За окном лежал грязный снег. Автобус ехал. Было начало апреля.